

УДК 321

DOI: 10.34670/AR.2021.68.55.004

Культурный империализм как государственная традиция российского общества и западной цивилизации

Ширшов Александр Васильевич

Кандидат философских наук, доцент,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Елдин Михаил Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Мочалов Евгений Владимирович

Доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Грыжанкова Марина Юрьевна

Доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Кевбрин Борис Федорович

Доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Аннотация

В статье исследуется феномен «культурного империализма», представляющего приобщение к особенностям цивилизационного устройства политически и экономически развитых влиятельных стран, определяющих общие культурные ценности и стандартизирующих цивилизации во всем мире. Цель статьи – проанализировать современные научные подходы к интерпретации и пониманию культурного империализма в контексте развития цивилизационных процессов в российском и западноевропейских социумах. Авторы работы дают объяснение ситуации «культурного империализма», сложившейся в последние десятилетия XX в. и начале XXI в. с позиций феноменологии культуры и этики традиционализма. С учетом многочисленных факторов в проявлении глобальных процессов в культуре изучено влияние культурных доминант на процесс глобализации. Специфика аккультурации исследуется в статье с позиций собственной культурной идентичности, что позволяет сделать выводы о разнообразии культурного влияния на иные цивилизации, предполагающих либо угрозу культурной самобытности нации, либо ее обогащение. Авторами делается вывод о том, что культурный империализм зачастую не является добровольным, поскольку каждая нация претендует на утверждение собственных культурных традиций, что является основой для сохранения культурного разнообразия, принимаемого как очевидный факт развития мировой цивилизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Ширшов А.В., Елдин М.А., Мочалов Е.В., Грыжанкова М.Ю., Кевбрин Б.Ф. Культурный империализм как государственная традиция российского общества и западной цивилизации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 34-44. DOI: 10.34670/AR.2021.68.55.004

Ключевые слова

Цивилизации, социокультурные отношения, полиэтничность, культурный империализм, созидание культуры, синергия.

Введение

Специфика российской цивилизации и особенности ее развития затронуты в многочисленных исследованиях (А.С. Ахиезер, Н.А. Бердяев, Г.Д. Гачев, И.А. Ильин, Б.Г. Капустин, Н.О. Лосский, Ю.М. Лотман, А.С. Панарин, Г.П. Федотов, А.Я. Флиер и др.), авторы которых обращают внимание на важность геополитического положения России, которое требует синтеза восточных и западных цивилизационных принципов, что является предпосылкой как культурного разнообразия России, так и возникновения специфических социокультурных явлений, не свойственных ни России, ни другим известным нам культурам. Вместе с тем, авторы отмечают многообразие сочетания и соотношения ориентализма и вестернизации в русской культуре в разные периоды истории.

При анализе феномена русской цивилизации мы сосредотачиваемся в основном на работах, исследующих взаимосвязь между традициями российского общества и духовно-культурными характеристиками цивилизаций в западном мире, которые оказывают существенное влияние на социокультурные отношения. В научных трудах такие образования принято называть «пограничными» цивилизациями, которые, по мнению С.Н. Семенова, можно определить как

целостные общности, исторически сложившиеся на границах христианского, исламского, буддийского и языческого миров и включающие в себя многие их элементы в той или иной пропорции [Семенов, 1994, 161]. Подчеркнем, что эти пограничные области цивилизации характеризуются полиэтничностью, поликонфессионализмом, толерантностью, религиозной терпимостью, культурной адаптацией достижений и ценностей других культур, гибкостью и синкретизмом.

Основная часть

Важные исторические события в России, среди которых следует отметить распространение византизма, монголо-татарское нашествие, освоение стран Востока и др., кардинально повлияли на формирование ее государственности и менталитета общества. В силу этих обстоятельств Россия представляется нам сложно сконструированным обществом. Менталитет русской культуры, по сути, сочетающий в себе принципиально противоположные западные и восточные духовно-нравственные принципы, характеризуется своей многовекторностью, «полифонизмом». Философ XX века Н.А. Бердяев, размышляя об этой особенности, пишет, что Россия – особый мир, Восток-Запад, «соединитель двух миров», ... душа русского народа – «сложная и запутанная. душа, потому что в ней смешались два потока мировой истории. И эти два элемента в душе русского народа не были органически переведены в единый образ, в единую волю, в единый разум» [Бердяев, 1990, 34]. В другом произведении философ, подчеркивая особую важность восточных особенностей в менталитете российского общества, приходит к выводу, что «русские люди восточные по своему духовному укладу». Н.А. Бердяев называет Россию христианским Востоком, который на протяжении двух столетий находился под сильным влиянием Запада и «ассимилировал все западные идеи в свой верхний культурный пласт» [там же, 220].

В то же время Россия стремилась применить достижения западной цивилизации для улучшения различных сфер общественной жизни: экономической, военной и т.д. Ориентация на Запад объясняется тем, что Россия считала его своеобразной культурной моделью. Однако, сравнивая западную модель социокультурного развития с исконно русской духовно-культурной традицией, следует обратить внимание на более высокий уровень развития аксиологической составляющей культуры. В этом отношении Россию следует рассматривать как связующее пространство цивилизации между Западом и Востоком. Несомненно, это особое явление в истории, в контексте которого мы попытаемся проанализировать взгляды ученых на этот вопрос и представить свои взгляды на феномен «культурного империализма», который тесно связан с процессами глобализации.

С нашей точки зрения, духовные и культурные традиции российского империализма формировались, как правило, с учетом активного участия представителей различных элит народов Евразии, что является ярким свидетельством возрастающего значения Руси-России в мировом континууме. В первую очередь, это связано с довольно выгодным географическим положением России, которая находилась на оживленном торговом пути «из варяг в греки», а становление российской государственности было тесно связано с процессом борьбы за контроль над этими маршрутами со стороны Византии и исламского Востока.

Очевидно, что многонациональность следует рассматривать как одну из важнейших культурных и государственных традиций России, в связи с чем при изучении этнической культуры народов Евразии проблема формирования национальной идентичности Россия-Россия

является актуальной и приобретает большое научное и теоретическое значение. Следует отметить, что полиэтничность, отражающая многие стороны жизни национальных общностей, воплощается в многообразии форм всего наследия материальной и духовной жизни русского народа. По мнению В.В. Кожина, ценность национальной культуры в конечном итоге определяется не возрастом, в котором она вступает в определенный этап развития, а глубиной и высотой ее достижений [Кожин, 2002, 85].

В качестве теоретического обоснования этого утверждения можно привести определение, согласно которому «культурный империализм» подразумевает господство одной культуры над другой. Американский политолог Дж. Шиллер интерпретирует эту концепцию как ряд процессов, посредством которых общество в более развитых странах оказывает давление на культуру и социальную жизнь менее развитых обществ. А. Баллок, размышляя о феномене «культурного империализма», объясняет, что его цель – использовать «политическую и экономическую мощь для распространения культурных ценностей одного государства в другом» [Bullock, 1977, 42]. Поскольку эта точка зрения является наиболее распространенной в гуманитарных науках и достаточно полно отражена в трудах западных историков, философов и политологов, мы рассматриваем ее как отправную точку нашего анализа западной специфики понимания этого явления.

К основным причинам распространения «культурного империализма» ученые относят высокий экономический и технологический уровень общественного развития. Эта константа подтверждает представление о том, что данное явление достаточно широко распространено в современном мире, и сейчас тенденция к сохранению уникальности и самобытности национальных культур все чаще упоминается в исследованиях политологов, философов и историков.

Джон Томлинсон отмечал, что истоки термина «культурный империализм» следует искать в гуманитаристике 1960-х годов [Tomlinson, 2002, 2], а его теоретическое осмысление приходится на 1970-е годы. По словам Л. Уайта, для расшифровки параметров этого явления Запад использовал столь разные его интерпретации, как «культурная зависимость и господство», «культурная синхронизация», «идеологический империализм», «экономический империализм», «электронный колониализм», «коммуникативный империализм», «медиа-империализм» [White, 2001]. Последние три концепта представляют для нас наибольший интерес.

Несомненно, что в связи с развитием компьютерных технологий информационные и коммуникационные сети получили широкое распространение во многих странах. В этом отношении Томас Макфэйл вполне обоснованно и справедливо выдвигает концепцию «электронного колониализма», которая представляет собой отношения зависимости от коммуникационного оборудования и программного обеспечения, производимого иностранными компаниями. Инженеры, обслуживающие сети связи, предлагают набор нормативных и ценностных установок, которые в той или иной степени могут привести к коренным изменениям в национальных культурах и социальных процессах [McPhail, 1987, 18].

По мнению Ли Суй-Нам, «коммуникативный империализм» воплощает в себе порядок, при котором контроль над СМИ, а также другими основными формами коммуникации в одной стране основан на доминировании другой страны, что, несомненно, «ведет к пагубным последствиям для местных ценностей, норм и культур» [Lee, 1988]. При этом такой тотальный информационный контроль чрезвычайно опасен, поскольку может затрагивать приватную жизнь людей.

Кристин Оган утверждает, что термин «медиаимпериализм» следует понимать как производственный процесс, в ходе которого западные страны предлагают большую часть своих медиа-продуктов на мировом рынке и, таким образом, имеют потенциал для получения большей прибыли от продаж на внутреннем рынке. В будущем эти продукты будут продаваться по более низким ценам, чем те, которые страны-импортеры могли бы для производства аналогичной продукции самостоятельно [Ogan, 1988].

Арман Маттеларт, исследуя в своих работах специфические формы «культурного империализма» Соединенных Штатов в Европе, приходит к выводу, что задачи американских транснациональных корпораций можно разделить на две составляющие по экономическому проникновению и идеологической пропаганде американцев, с другой стороны, являются гарантами порядка и культурного равновесия. Таким образом, в данном случае можно говорить о двойственности позиций «культурного диктата» [Mattelart, 1976].

Следует отметить, что исследователи, изучающие культурное влияние Запада, интерпретируют термин «культурный империализм» в соответствии с концепцией «американизации общества». В связи с этим в США, которые во второй половине XX века стали играть ключевую роль в процессе современной «вестернизации», были образованы ассоциации, состоящие из учреждений культуры и средств массовой информации, для мониторинга воздействия на культурную среду и традиции зарубежных обществ. В конце XIX – начале XX века «американизация» распространилась по всему мировому сообществу, утвердившись в Латинской Америке и Африке и еще более укрепив свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия американского общества всегда были направлены на стимулирование процесса «вестернизации» через деятельность благотворительных фондов и религиозных миссионеров, имеющую культурные последствия для стран всего мира, но все эти действия не всегда были системными, они не отражали идеи взаимопомощи и гуманизма.

На основании изложенных выше фактов можно сделать вывод, что под термином «культурный империализм» следует понимать, с одной стороны, принудительную аккультурацию населения данной страны, а с другой – добровольное восприятие чужой культуры. Исходя из этого, представляется целесообразным выделить различные формы «культурного империализма», в которых культурное превосходство часто воспринимается как угроза сохранению норм национальной культурной идентичности. В то же время «принимающая» культура стремится обогатиться этническими традициями, которые не представлены в культурном пространстве ее собственного общества.

Говоря о социокультурной роли средств массовой информации в XXI веке, мы подчеркиваем, что она определяется поступательной интеграцией глобальных рынков и стремительным развитием новых коммуникационных технологий. После того, как Советский Союз исчез с политической карты мира, свобода торговли и потоков информации стали доминирующими в мировом пространстве в конце XX века, и, по словам П. Дэвида, Соединенные Штаты стали основным игроком в культурном и медийном пространстве. Господство Америки на мировой арене, сопровождаемое монополией на мировые экономические ресурсы, привело к ее доминированию в тенденциях культурной сферы современных цивилизаций, что сделало глобальные СМИ индустрией «вестернизации», очевидно даже более могущественной, чем эпоха «эллинизации» и «романизации» Античности.

Несомненно, информационные технологии внесли свой вклад в процесс глобализации культурной сферы и, как следствие, других сфер общественной жизни, в том числе в образ жизни евразийских обществ конца XIX века - начало XXI века. Однако процесс глобализации

не протекает гладко и связан с рядом конфликтов, причины которых следует усматривать в культурных и цивилизационных различиях. В данном контексте необходимо обратить внимание на известную теорию столкновения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона, согласно которой в XXI веке главным источником конфликтов выступают не идеология или экономика, а культурные различия. По мнению Хантингтона, наиболее важные конфликты в мировой культурной жизни будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям, и столкновение цивилизаций будет доминирующим фактором в мировой политике [Хантингтон, 2003, 69]. Надо сказать, что, руководствуясь положениями этой теории, многие исследователи уже открыли, по терминологии С. Хантингтона, «цивилизационный аспект» в различных конфликтах последних десятилетий.

Надо сказать, что развитие региональных культурных традиций – это противоречивый процесс, в центре которого мы наблюдаем широкий спектр социокультурных традиций современной эпохи. В связи с этим российская цивилизация, понимаемая как культурно-синкретический феномен, исторически отлаживает мировые культурные «недостатки», играя роль глобального фактора культурной стабилизации во взаимодействии Востока и Запада. Выдающийся русский философ XX века В.С. Соловьев в этом контексте заявил, что «русский культурный империализм» – это особый образ синергии в создании единого культурного пространства [Соловьев, 2007, 97].

В ходе исторических событий Россия, сталкиваясь с разными цивилизационными сообществами, сглаживала противоречия и воспринимала конструктивные достижения и культурный опыт разных этносов Евразии. Ярким примером подтверждения этого вывода является тюрко-исламское влияние в эпоху золотоордынского владычества на Руси, когда Россия выступала образцом языкового, этнического и культурного универсализма. Интересен вывод Г. Ахметьянова о том, что в древности и в Средние века культурные связи России с регионами Центральной Азии были более тесными, чем с более близкими в географическом отношении регионами Черного и Средиземного морей [Ахметьянов, 1981, 129]. Действительно, Русь-Россия стала примером конструктивного «культурного империализма», нацеленного не на ликвидацию, а на симбиоз культур.

С другой стороны, в работах многих западных философов и историков была выдвинута ключевая идея «вертикального индивидуализма», которая заключается во всеподавляющем западном культурном творчестве, действующем с момента падения Западной Римской империи, когда сознание и воля выдающихся личностей считались источником развития общества (Т. Карлейль, Ф. Шатобриан, А. Шютц и др.), в качестве которых одни авторы считают полководцев и героев, другие – государственных деятелей, третьи – мыслящих личностей, которых нельзя подвергать критическому анализу и сомнениям в исторической правоте.

Говоря о феномене глобализации, Джон Томлинсон убеждает нас, что, несмотря на «мультикультурный характер», ее нельзя интерпретировать как односторонний процесс, поскольку он, по крайней мере, «допускает возможность локального вмешательства в глобальные процессы [Tomlinson, 1997, 43]. Точку зрения Томлинсона разделяет французский историк Р. Куизель, который считает, что термин «культурный империализм» следует использовать с некоторой осторожностью, поскольку общество пассивно воспринимает американские ценности и не противостоит внешнему давлению. Концепция «американизации» среди западных ученых приводит к мысли, что это часть неизбежного явления глобализации [Kuisel, 2000, 509].

В заключение анализа эволюции дискурса о «культурном империализме» отметим

этнографические и антропологические работы, в которых исследователи связывают тему культурной экспансии с изучением проблем методологии «сопротивления» насильственной «американизации», с размышлениями о судьбах региональных культур и коренных народов, которых это затрагивает. Ученые утверждают, что коренное население никогда не было пассивным потребителем вестернизации идей «вестернизации», но, наоборот, упорно сопротивлялось проникновению ее культурных символов в традиционные культуры [Tibi, 1995].

На рубеже XX и XXI веков «культурный империализм» приобретает довольно специфические черты, отличающие его от предшествующих исторических периодов. Современный «культурный империализм» развивается в рамках мировой системы, в рамках которой формируется и функционирует единый мировой рынок. Мы считаем, что на нынешнем историческом этапе важной частью общего «культурного империализма» является «информационный империализм».

В настоящее время понятие «культурный империализм» лучше всего объясняет процессы, которые способствуют трансформации государств и народов в современную мировую систему с доминирующим центром. Важно то, что он объясняет, как правящая элита отдельных государств стремится «интегрироваться» в глобальные социальные институты таким образом, чтобы они соответствовали традиционным ценностям и устройству доминирующего глобального центра влияния. Б.И. Агафонов считает, что «культурный империализм» как политическое явление в культуре находит свое отражение в союзе культурной индустрии с финансовым капиталом, создавая тем самым транснациональные монополии, которые управляют газетами, журналами, рекламой и проводят политику «информационной агрессии» [Агафонов, 1995, 231].

Согласно меткому замечанию американского критика Р. Хьюза, «наша культура все больше приближается к тому моменту, когда искусство перестает быть средством общения, способом изображения исторических событий или выражением эстетического удовольствия, демонстрируя лишь способность переводить искусство в деньги» [Цит. по: Шиллер, 1999, 342]. Мы придерживаемся мнения, что глобальная монополия на распространение произведений искусства через вторжение в сферу культуры представляет реальную угрозу для развития полноценной и демократической культуры и является инструментом деструктивного «культурного империализма», «дегуманизации» культуры народов мира.

Стоит отметить, что экспансия американской культуры ощущается не только развивающимися странами, не имеющими достаточного потенциала для противодействия культурной агрессии США, но и такими развитыми европейскими странами, как Англия, Франция, Италия и т.д. Указанные обстоятельства угрожают будущему культурно-аутентичному пространству развития Европы.

Мы разделяем взгляды исследователей, которые отмечают, что термин «культурный империализм» относится к современным тенденциям в социальной сфере и представляет собой политику давления, проводимую современным империализмом в области культуры. Основными особенностями этой политики являются: передача культурных ценностей из одной страны в другую; установление доминирующего положения одной национальной культуры как универсальной, угрожающей культурной самобытности других этнических сообществ; использование культурных ценностей для достижения сиюминутных политических целей, идеологической пропаганды и создания положительного образа культурной экспансии; преобразование культурного обмена в культурную экспансию.

Политика «культурного империализма», являющегося государственной традицией

различных цивилизаций, в том числе и российской, тем не менее беспокоит многих деятелей культуры во всем мире. Возникновение транснациональных монополий, концентрирующих в своих руках средства массовой информации и коммуникации, стандартизирует культурные традиции, навязывает определенные модели культуры в глобальном масштабе, что позволяет манипулировать сознанием людей и обществ, изменяя и искажая самобытность многих культур. Такой «культурный империализм» делает уязвимым культурное будущее общества.

Цивилизационное значение происходящего в XXI веке состоит в том, что ряд фундаментальных черт русской цивилизации сохранился вопреки времени и новейшим тенденциям развития культур. Аксиологический тип русского менталитета сохраняется в его духовно преемственной структуре культурного «континуитета», восходящей к типу византийско-славянского воспроизводства, русскому православному и философскому наследию [Елдин, 2011, 152]. Ход современной истории дает человеку возможность приобщиться не только к традициям постмодернистской цивилизации, но и к истинным источникам культуры и духовности, направленным не на «слом», а на «симфонию» культур.

Заключение

Таким образом, в современных исторических условиях возникло стремление к культурному разнообразию с учетом расовых, религиозных и национальных особенностей, что повлияло на процесс глобализации, который сегодня находится на уровне, когда невозможно с уверенностью сказать, что глобализация – это фактор формирования единой мировой культуры. Данные обстоятельства позволяют следовать гуманистическим творческим тенденциям культурных традиций.

Библиография

1. Агафонов Б.И. Культурный империализм без грима. М.: Правда, 1995. 97 с.
2. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Сочинения. М.: Наука, 1990. 246 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
5. Елдин М.А. Русская религиозная традиция и финно-угорская этнокультурная общность // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 151-155.
6. Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 511 с.
7. Семенов С. Ибероамериканская и восточноевропейская общность как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 159-169.
8. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: АСТ: АСТ Москва-Хранитель, 2007. 505 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
10. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1999. 326 с.
11. Boyd-Barrett O. Media imperialism: Towards an international framework for the analysis of media Systems // Mass communication and society. London, 1977. P. 116-135.
12. Bullock A., Stallybross O. The Harper Dictionary of Modern Thought. New York, 1977. P. 42-48.
13. Kuisel R. Americanization for Historians // Diplomatic History. 2000. Vol. 24. № 3. P. 509-515.
14. Lee S. Communication imperialism and dependency: A conceptual clarification // International Communication Gazette. 1988. P. 74.
15. Mattelart A. Cultural imperialism in the multinationals' age // Instant Research on Peace and Violence. 1976. P. 160-174.
16. McPhail T. Electronic colonialism: the future of international broadcasting and communication. 1987. 311 p.
17. Ogan C. Media Imperialism and the Videocassette Recorder: The Case of Turkey // Journal of Communication. 1988. Vol. 38. Is. 2. P. 93-106.
18. Tibi B. Culture and Knowledge: The Politics of Islamization of Knowledge as a Postmodern Project? The Fundamentalist Claim to De-Westernization // Theory, Culture & Society. 1995. Vol. 12. P. 1-24.

19. Tomlinson J. Internationalism, globalization and cultural imperialism // Media and Cultural Regulation. London, 1997. P. 118-153.
20. Tomlinson J. Cultural imperialism: a critical introduction. London: Continuum, 2002. 200 p.
21. White L. Reconsidering Cultural Imperialism Theory // Transnational Broadcasting Studies. 2001. № 6. URL: <https://www.arabmediasociety.com/reconsidering-cultural-imperialism-theory/>

Cultural Imperialism as a State Tradition of Russian Society and Western Civilization

Aleksandr V. Shirshov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Mikhail A. Eldin

Doctor of Philosophy, Professor,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Evgenii V. Mochalov

Doctor of Philosophy, Professor,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Marina Yu. Gryzankova

Doctor of Philosophy, Professor,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Boris F. Kevbrin

Doctor of Philosophy, Professor,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of cultural imperialism, which is an introduction to the features of the civilizational structure of politically and economically developed influential

Shirshov A.V., Eldin M.A., Mochalov E.V., Gryzhankova M.Yu., Kevbrin B.F.

countries, that define common cultural values and standardize civilizations around the world. The purpose of the article is to analyze of modern scientific approaches to the interpretation and understanding of cultural imperialism in the context of the development of civilizational processes in Russian and Western European societies. The study attempts to explain the situation of cultural imperialism that developed in the last decades of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century from the standpoint of cultural phenomenology and the ethics of traditionalism. Considering numerous factors in the manifestation of global processes in culture, the influence of cultural dominants on the process of globalization is studied. The article examines the specifics of acculturation from the perspective of one's own cultural identity, which allows us to draw conclusions about the diversity of cultural influence on other civilizations, suggesting either a threat to the cultural identity of the nation or its enrichment. The authors conclude that cultural imperialism is often not voluntary, since each nation claims to assert its own cultural traditions, which is the basis for preserving cultural diversity, which is accepted as an obvious fact of the development of world civilization.

For citation

Shirshov A.V., Eldin M.A., Mochalov E.V., Gryzhankova M.Yu., Kevbrin B.F. (2021) Kul'turnyi imperializm kak gosudarstvennaya traditsiya rossiiskogo obshchestva i zapadnoi tsivilizatsii [Cultural Imperialism as a State Tradition of Russian Society and Western Civilization]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 34-44. DOI: 10.34670/AR.2021.68.55.004

Keywords

Civilization, socio-cultural relationships, multi-ethnicity, cultural imperialism, creation of culture, synergy.

References

1. Agafonov B.I. (1995) *Kul'turnyi imperializm bez grima* [Cultural imperialism without makeup.]. Moscow: Pravda Publ.
2. Akhmet'yanov R.G. (1981) *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the middle Volga region]. Moscow: Nauka Publ.
3. Berdyaev N.A. (1990) Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. In: *Sochineniya* [Works]. Moscow: Nauka Publ.
4. Berdyaev N.A. (1990) *Sud'ba Rossii. Opyt po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The fate of Russia. Experience in the psychology of war and nationality]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
5. Boyd-Barrett O. (1977) Media imperialism: Towards an international framework for the analysis of media Systems. In: *Mass communication and society*. London.
6. Bullock A., Stallybross O. (1977) *The Harper Dictionary of Modern Thought*. New York.
7. Eldin M.A. (2011) Russkaya religioznaya traditsiya i finno-ugorskaya etnokul'turnaya obshchnost' [Russian religious tradition and the Finno-Ugric ethnocultural community]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian science], 2, pp. 151-155.
8. Huntington S. (2007) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
9. Kozhinov V.V. (2002) *Pobedy i bedy Rossii* [Victories and troubles of Russia.]. Moscow: Eksmo-Press Publ.
10. Kuisel R. (2000) Americanization for Historians. *Diplomatic History*, 24, 3, pp. 509-515.
11. Lee S. (1988) Communication imperialism and dependency: A conceptual clarification. In: *International Communication Gazette*.
12. Mattelart A. (1976) Cultural imperialism in the multinationals' age. In: *Instant Research on Peace and Violence*.
13. McPhail T. (1987) *Electronic colonialism: the future of international broadcasting and communication*.
14. Ogan C. (1988) Media Imperialism and the Videocassette Recorder: The Case of Turkey. *Journal of Communication*, 38., 2, pp. 93-106.
15. Schiller G. (1999) Manipulyatory soznaniem [Manipulators of consciousness]. Moscow.

16. Semenov S. (1994) Iberoamerikanskaya i vostochnoevraziiskaya obshchnost' kak pogranichnye kul'tury [Ibero-American and East Eurasian community as border cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2, pp. 159-169.
17. Solov'ev V.S. (2007) *Natsional'nyi vopros v Rossii* [The national question in Russia]. Moscow: AST: AST Moskva-Khranitel' Publ.
18. Tibi B. (1995) Culture and Knowledge: The Politics of Islamization of Knowledge as a Postmodern Project? The Fundamentalist Claim to De-Westernization. *Theory, Culture & Society*, 12, pp. 1-24.
19. Tomlinson J. (1997) Internationalism, globalization and cultural imperialism. In: *Media and Cultural Regulation*. London.
20. Tomlinson J. (2002) *Cultural imperialism: a critical introduction*. London: Continuum.
21. White L. (2001) Reconsidering Cultural Imperialism Theory. *Transnational Broadcasting Studies*, 6. Available at: <https://www.arabmediasociety.com/reconsidering-cultural-imperialism-theory/> [Accessed 10/10/2021]